

Н. И. ИСАНБАЕВ (Йошкар-Ола)

ОБ ОТГРАНИЧЕНИИ ТАТАРСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ ОТ ЧУВАШСКИХ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Татарские слова, вошедшие в марийский язык, по своему происхождению неоднородны: наряду с собственно татарскими словами значительную часть составляют древнетюркские и общетюркские лексические элементы, арабско-персидские, монгольские, чувашские, русские и финно-угорские заимствования. Немало среди них слов, общих для татарского и чувашского, татарского и марийского или же для всех языков Волго-Камья. В интерпретации их иногда встречаются серьезные ошибки: слова, вошедшие из татарского языка, выдаются за чувашские, а заимствования, восходящие к чувашскому источнику, расцениваются как татарские или русские. В связи с этим есть необходимость рассмотрения татарских заимствований с точки зрения отграничения их от лексических единиц, проникших из чувашского, русского и других источников, а также от деривационных форм, образованных в самом марийском языке на базе татарских заимствованных основ и словообразовательных средств. Успешное решение этой проблемы позволит избежать ошибок при выяснении генетических вопросов, по достоинству оценить реальный вклад татарского и других языков в лексическую систему марийского языка. Одному из этих вопросов посвящена настоящая статья.

Следует отметить, что проблема отграничения татарских заимствований от чувашских в марийском языке чрезвычайно трудна. Это объясняется, по-видимому, сложностью и многообразием тех связей и взаимоотношений, которые исторически сложились между названными поволжско-тюркскими народами и их языками, а также между ними и финно-угорскими народами. Поволжско-тюркские языки в процессе многовекового взаимодействия оказали значительное влияние друг на друга, выработали некоторые общие черты. Сказать уверенно, в каких случаях мы имеем дело с татарским влиянием, в каких — с чувашским, нелегко, а иногда и невозможно. По-видимому, именно этим объясняется тот факт, что некоторые исследователи (М. А. Кастрен, И. Буденц, Н. Т. Пенгитов), выявляя тюркский слой в марийской лексике, отказывались делить его на чувашские и татарские слова, другие же (Ю. Вихманн, Д. Е. Казанцев, Ф. И. Гордеев и др.) четко различают их. После фундаментальных работ М. Рясенена, В. Г. Егорова, М. Р. Федотова, Р. Г. Ахметьянова, разработавших принципы дифференциации чувашских и татарских слов, уже нельзя ограничиться общим указанием на тюркское происхождение слова или ссылкой на нерасчлененный чувашско-татарский источник,

1. Исследователями установлено, что татарские слова в чувашском языке распознаются по характерным признакам, среди которых в первую очередь обращают на себя внимание фонетические. В. Г. Егоров установил пять таких признаков татарских заимствований в чувашском языке: 1) *йа-* на месте общетюрк. *йа-* (в исконно чувашских корнях *ça-*), 2) *йу-* на месте общетюрк. *йо-*, 3) *йӓ-* на месте общетюрк. *йа-*, 4) *а* на месте общетюрк. *а* (в исконно чувашских словах *у*), 5) *с* на месте общетюрк. *з* (в исконно чувашских словах *р*) (Егоров 1971 : 98—101).

Р. Г. Ахметьянов среди фонетических признаков тюркских (кипчакских) заимствований в чувашском языке выделяет общие для всех кипчакских языков и свойственные лишь татарскому. К последним он относит следующие: 1) общетюрк. *а* — тат. *а* — чув. *а* (в первом слоге); 2) общетюрк. *э* — тат. *э* — чув. *е* (*а* не *а*); 3) общетюрк. *к* — тат. *к* — чув. *к* (*а* не *х*); 4) общетюрк. *ч* — тат. *ч* — чув. *ч* (*а* не *ç* или *ш*); 5) отражение общетюркских глухих согласных *к, п, с, т* после сонорных или между гласными внутри слова в виде геминат *-кк-, -пп-, -сс-, -тт-* (Ахметьянов 1978 : 108).

Установлено, что основная масса татарских заимствований адаптирована марийским языком согласно его фонетическим закономерностям и в общем претерпевает те же изменения, что и чувашские заимствования (Räsänen 1920; 1923; Исанбаев 1979б). Поэтому определить конкретный источник заимствования тюркизмов, исходя из их фонетического облика в марийском языке, очень трудно, необходимо хорошо знать фонетические и иные (морфологические, семантические и др.) особенности самих поволжско-тюркских языков.

Проверка фактического материала марийского языка, восходящего к тюркскому источнику, с позиций В. Г. Егорова, Р. Г. Ахметьянова и других показывает, что установленные ими фонетические критерии вполне приемлемы для ограничения татаризмов от чувашизмов в марийской лексике.

1.1. В марийском языке имеется значительное количество татарских и чувашских заимствований, которые противопоставляются друг другу по инициальным согласным *ј* и *ś*. При этом *ј* указывает на татарский источник заимствования, *ś* — на чувашский, так как тат. *й/ж* начала слова соответствует чув. *ç*. Тюркские слова в татарском звучании вошли в основном в восточное и луговое наречия, чувашская форма чаще встречается в горном. Ср. балт., белеб. *јака* 'воротник' (тат. *яка*), марЛ *сога* 'воротник' (чув. *çоха, çуха*); марВ *јакте* 'светлый' (тат. *якты*), марГ *сотӓ* 'свет, светло, светлый' (чув. *çутӓ*); балт., белеб., бир. *јемӓраś* 'сваливать' (тат. *жимеру*), марЛ *сӓмӓраś*, калт., малм. *śӓмӓраś* 'повалить' (чув. *çёмёр*); белеб. *јерӓн* 'рыжий', (тат. *жирӓн*), марГ *сӓрӓн* 'гнедой' (чув. *çӓрен*); марЛ, марВ *јорҗа* 'иноходец' (тат. *юрҗа*, чув. *çӓрҗа*); балт., калт. *јулаś* 'глотать жадно' (тат. *йоту*), марЛ *сут* 'жадный' (чув. *сӓт* 'глотать'); белеб. *јенӓś* 'одолеть' (тат. *жиму*, башк. *еней*), марЛ *сенӓś*, калт., малм. *śенӓś* 'одолеть, побороть' (чув. *сен*); бир. *јел* 'ветер' (тат. *жил*, башк. *йел*, чув. *сил*); марЛ (Тр.) *јелет* 'клей' (тат. *жилем*, башк. *елем*, чув. *силем*); марВ *јелка* 'затылок' (тат. диал. *йелкӓ* 'затылок, плечо' (ДСТЯ 171), башк. *елка*, чув. *силхе* 'грива'); марЛ *јетӓж*, марВ *јетӓś* 'плод, фрукт' (тат. *жимеш*, *йимеш*, башк. *емеш*, чув. *çимеш*) и др.

1.2. В диалектах марийского языка встречается немало слов тюркского происхождения, которые в татарском и чувашском языках одинаково имеют анлаутное *ј*. Например: марЛ, марВ *јабӓк* 'худой, тощий' (тат. *ябык* 'тощий', чув. *япӓх* 'запущенный, плохой, худой'); марВ *јалан*

'всегда, постоянно' (тат., башк., чув. *ялан* 'всегда'); марЛ, марВ *jasmäk* 'чечевица' (тат. *ясмык*, чув. *ясмак*); марВ *jomart* 'веселый' (тат. *юмарт* 'щедрый', башк. *йомарт*, чув. *юмарт* 'простой, гостеприимный'); марВ, марГ *jorij* 'нарочно, преднамеренно' (тат., чув. *юри*); марЛ, марВ *jortaš* 'бежать рысью' (тат. *юрту*, чув. *юрт*); марЛ, марВ *joškän* 'нанос, ил' (тат. *юшкын*, чув. *юшкән*); марЛ, марВ *jön* 'способ, средство' (тат. *юнь* 'толк, способность', чув. *йүн* 'смысл, порядок, предлог, повод'); марВ *jöpläš* 'одобрять' (тат. *юпльәү* 'поддакивать', чув. *йүпле* 'поддакивать, одобрять'); марВ *jüdätäš* 'надоедать' (тат. *юдәтү*, *йөдәтү*, чув. *йүгет*); марВ *jüdaš*, марЛ *jüdəyaš* 'выживать из ума (от старости)' (тат. *йөдәү* 'испытывать недостаток, изнуряться', чув. *йүгте* 'впадать в старческое слабоумие'). По мнению Н. Поппе (Poppe 1927), В. Г. Егорова (1971), А. М. Щербака (1970) и др., подобные слова проникли в чувашский из татарского или кипчакских языков. Есть основания считать, что и в марийском языке они являются татарскими заимствованиями. Однако это не исключает того, что некоторые татарские слова с начальным *j* могли попасть в марийский язык через чувашское посредство, например, существительные *joltaš* 'товарищ', *jolko* 'лентяй' и др.

1.3. Во многих тюркских заимствованиях марийского языка их татарские и чувашские параллели одинаково указывают в первом слоге на гласный *a*. Ср. марЛ, марВ *ak* 'цена' (тат. *ак*, *хак*, чув. *хак*); марЛ, марВ *akäl* 'разум' (тат. *акыл*, чув. *әс-хакәл*); марЛ, марВ *akärsaman* 'светопредставление' (тат. *ахыр заман*, чув. *ахәр самана*); марЛ, марВ *albasta* 'злой дух' (тат. *албасты*, чув. *алпастя*); марЛ, марВ *alça* 'серьга' (тат., чув. *алка*); марЛ, марВ *añära* 'глупый' (тат. *аңгыра*, чув. *аняра*); марЛ, марВ *aptranaš* 'стесняться' (тат., башк. *аптра*, чув. *аптәра*); марЛ, марВ *aräslan* 'лев', *arслан kajäk* 'орел' (тат. *арслан*, чув. *арәслан* 'лев'); марЛ, марВ *azar* 'забота; мука; трудность' (тат. *азан* 'трудность', чув. *асан* 'наказание; беспокойство, хлопоты'); марЛ, марВ, марГ *karķa* 'ворота' (тат. *капка*, чув. *ханха*); марЛ, марВ *mañca* 'сопли; гнусавый' (тат. *маңка*, чув. *манка*); марЛ, марГ *namäs* 'стыд, совесть' (тат. *намус*, чув. *намәс* 'честь, совесть, репутация'); марЛ, марВ *načar* 'плохой' (тат., чув. *начар*); марЛ, марВ *rajrat* 'праздник' (тат. *байрам*, *бәйрәм*, чув. *пайран*); марЛ, марВ *patär* 'сильный; силач, богатырь' (тат. *батыр*, чув. *паттәр*); марЛ *sar* 'серый', марВ, марГ *sarä* 'желтый' (тат. *сары*, чув. *саря*); марЛ, марВ, марГ *taza* 'здоровый' (тат. *таза*, чув. *таса*) и т. д. Подобные слова в марийском языке следует рассматривать как заимствования из татарского, так как в чувашском языке *a* в первом слоге встречается, за небольшим исключением, лишь в заимствованиях из татарского и русского языков. Пратюрк. **a* в чувашском языке подвергся сужению и перешел в *y*, *ä*, *ы* (Щербак 1970 : 145—146).

Татарский *a*, восходящий к пратюрк. **a*, на марийской почве в большинстве случаев передается неогубленным *a*, чув. *y*, *ä*, *ы* — огубленным *o*, например: марЛ *rasu*, марВ *räse* 'поле' (тат. *басу*), малм., серн. *poso* 'поле' (чув. *пучя*); белеб. *sakčä* 'ангел-хранитель' (тат. *сакчы* 'сторож'), марЛ *sukso*, марВ, калт. *šukčo* 'ангел-хранитель' (чув. *сыхчай*, *сыхлавçя*); серн., марВ *kazak* 'холостой, одинокий мужчина', *kazak väte* 'одинокая женщина' (тат. *казак*, ДСТЯ 186); волж. *ozak* 'холостой, неженатый' (чув. *хусах*, *хосах* 'холостяк') и т. п.

1.4. В некоторых общих словах наблюдается звукосоответствие тат. *ä* (орф. *ә*) — чув. *e*. Часть таких слов проникла и в диалекты марийского языка. При этом во многих восточномарийских говорах тат. *ä* сохраняется без изменения, в луговом наречии переходит в *a* или *e*: марВ

äläk 'донос, ябеда' (тат. *эләк*, чув. *элек* 'донос, клевета'); марВ *älä*, марЛ *ala* 'неопределенная частица; может быть' (тат. *әллә*, чув. *элле* 'или, либо; может быть'); марВ *ämäl* 'средство', марЛ *amal* 'способ, повод' (тат. *әмәл* 'способ, средство', чув. *эмел* 'лекарство, средство'); марВ *äräm*, марЛ *aram* 'бесполезно, зря' (тат. *әрәм* 'напрасно, зря, попусту', чув. *эрем* 'бесполезная гибель'); марВ *ärämä* 'лесочек у реки', марЛ *arama* 'тальник' (тат. *әрәмә* 'урема'); марВ *jänläk*, марЛ *janläk* 'зверь' (тат. *жәнлек*, башк. *йәнлек*, чув. *енлэк*); марВ *näsäl*, марЛ (Тр.) *nasäl* 'род, родство' (тат. *нәсел*, чув. *несёл* 'род, племя') и т. д.

Значительная часть таких слов встречается только в говорах восточного наречия: бир., калт., белеб. *äbij* 'бабушка' (тат. *әби*, чув. *эпи*); марВ *äjbät* 'хороший' (тат. *әйбәт*, чув. *эйпет* 'хороший, красивый'); марВ *äkämät* 'чудо; смешное, странное' (тат., башк. *әкәмәт*, чув. *экемет*); марВ *bälä* 'беда' (тат. *бәлә*, чув. *пеле*); марВ *bäxät* 'счастье' (тат., башк. *бәхәт*, чув. *пеххёт*); марВ *därt* 'влечение, желание, страсть' (тат. *дәрт*, чув. *терт*); балт., калт. *däülät* 'богатство' (тат. *дәүләт*, чув. *тевлет* 'благодать'); белеб. *däyät* 'женское украшение в виде широкой ленты, надеваемой через плечо' (тат. *дәвәт* 'женское нагрудное украшение', чув. *тевет*); прибел. *käm* 'меньше' (тат., башк. *кәм*, чув. *кем*); марВ *zäñgär* 'синий' (тат. *зәңгәр*, чув. *сенкер*); белеб., калт. *pälš* 'большой круглый пирог из мяса' (тат., башк. *бәләш*, чув. *пелеш* 'пирожок'), марВ *pärij* 'злой дух' (тат. *пәри*, башк. *пәрей*, чув. *перу*); марВ *mäzäk* 'забава, потеха' (тат. *мәзәк*, чув. *месек*); марВ *mäñge* 'вечный' (тат., башк. *мәңке* 'вечный', чув. *менке* 'постоянно'); бир. *märäkä* 'потеха, шутка' (тат. *мәрәкә*, чув. *мереке*); балт. *mäklük* 'тварь' (тат. *мәхлүк* 'существо, тварь', чув. *мехлүк* 'неповоротливый'); прибел. *mäsärät* 'хлопоты' (тат. *мәшәкәт* 'хлопоты, беспокойство', чув. *мешехе* 'обряд, церемония'); белеб. *päräs*, *pärse* 'жадность' (тат. *пәфес* 'страстное желание', чув. *непёс* 'зависть, жадность'); прибел., балт. *sändärä* 'полати' (тат. *сәндәрә*, чув. *сентёре*); калт. *säkmät* 'болезнь, страдание' (тат. *зәхмәт*, чув. *сехмет*) и др.

Установлено, что в восточномарийских говорах *ä* получил фонологическую релевантность в основном под влиянием татарского и башкирского языков (Исанбаев 1964) и часто выступает признаком татарско-башкирского происхождения слова. В рассмотренном звукосоответствии тат. *ä* — чув. *e*, *э* чувашская форма указывает, по мнению Р. Г. Ахметьянова и др., на татарское происхождение слова, поскольку в чувашском общетюрк. **ä* дал, как правило, *и*, *а*, *й*, в татарском же языке он в отдельных словах восходит к общетюрк. **ä* (Афлетунов 1961; Ахатов 1964; Тумашева 1977) или развился из общетюрк. **a* (Щербак 1970 : 34).

1.5. Некоторые тюркские заимствования, вошедшие в марийские диалекты из разных поволжско-тюркских языков, различаются согласными *k* и *ç*, при этом первый свидетельствует о татарском, второй — о чувашском источнике: марЛ, марВ *kijamat* 'загробный мир' (тат. *кыямәт* 'воскресение из мертвых, судный день'), марГ *çäjamat* (чув. *хяямат* 'конец света, преисподняя'); марЛ, марВ *kijak* 'осока' (тат. *кыяк*), марГ *çäjak* (чув. *хяях*); марЛ, марВ *kula* 'саврасый' (тат. *кола*), марГ *çäla* (чув. *хяла*). Значительно больше слов, в которых чув. *ç* на почве марийского языка выпадает, а тат. *k* сохраняется, и это звукосоответствие (*k* — Ø) служит признаком их различного происхождения: марВ, серн. *kazak* 'холостой, одинокий, одинокая' (тат. *казак*), волж. *ozak* 'холостой, неженатый', марГ *ažak* 'вдовый' (чув. *хусах*, *хосах*); белеб. *kašpi* — старинный головной убор замужних женщин (тат. *кашпай*), марЛ *ošpi* — свадебный женский головной убор (чув. *хушпу*, *хошпу*);

балт. *kalja* 'кусочек мяса' (тат. *калжа*), марЛ (Тр.) *ola* 'мясо' (чув. **χola*; Räsänen 1920 : 21); марВ *käl* 'сила, мощь, состояние' (тат. *хэл*), марЛ *al* 'сила, мощь' (чув. *хал*); белеб., прибел. *koltäk* 'место под мышкой' (тат. *култык* 'подмышки'), марЛ *olto*, марГ *altä* 'ластовица' (чув. *холтӓ*, сунд. *олтӓ*); балт., белеб., бир. *kuak* 'куст' (тат. *куак*), марЛ *ua* 'ива, тальник' (чув. *хӓва* 'ива; куст'); белеб., бир., калт. *kuβa* 'бурый, темно-рыжий' (тат. *коба*, диал. *кува* 'бледно-бурый'), марЛ *uβa* 'светло-бурый' (чув. **хӓва*); калт. *kuturtaš* 'подстрекать' (тат. *котырту*), марГ *äðartaš* 'оклеветать кого-л., клеветать на кого-л.' (чув. *хетӓрт* 'побуждать, понуждать, подзадоривать'); марВ *kälčäk* 'ость у злаков' (тат. *кылчык*), марЛ *älčäk*, марГ *älсäk* (чув. *хӓлчӓх*).

В связи с этим тюркизмы, вошедшие в марийский язык только с согласным *k*, по-видимому, должны быть истолкованы как татарские заимствования, хотя в чувашском языке имеются прямые соответствия им с щелевым *x*, в марийском замещенным смычным *k*. Это подтверждается и другими признаками, в частности географическими — они встречаются в основном в восточном и луговом наречиях, например: марВ *akuk* 'сердолик, драгоценный камень' (башк. *акык*, чув. *ахӓх*); марЛ, марВ *jaβäk* 'тощий' (тат. *ябык*, чув. *янӓх*); балт., бир., калт. *kaβäl äštaš* '(рел.) принимать радушно' (тат. *кабул иту*, чув. *ханӓл ту* 'с сердечным расположением принимать кого-н.');

марВ *kajäraš* 'выворачивать' (тат. *каеру*, чув. *хайӓр*); марЛ, марВ *karγaš* 'проклинать' (тат. *каргау*, чув. *харкаш*); марВ *kače* 'ножницы' (тат. *кайчы*, чув. *хайчӓ*, *хачӓ*); белеб., балт. *kašara* 'бордюр, занавеска (вдоль стены под потолком)' (тат. *кашага*, чув. *хашака* 'рама, выступ');

морк. *kualaš* 'отталкивать, отшвырнуть' (тат. *куалау* 'гнать, отгонять', чув. *хӓвала*); марЛ, марВ, марГ *kuat* 'сила, мощь' (тат. *куәт*, чув. *хӓват*); марВ *käju* 'шустрый' (тат. *кыю*, чув. *хӓю*); марВ *lajäk* 'удобный' (тат. *лаек* 'подходящий', чув. *лайӓх* 'хороший, прекрасный');

марВ *mäjäk* 'усы' (тат. *мыек*, чув. *майӓх*); марВ, марЛ *nukta* 'недоуздок' (тат. *нукта*, чув. *нӓхта*).

1.6. В нескольких десятках тюркских заимствований марийского языка их татарские и чувашские лексические параллели одинаково показывают *k*. В положении перед первоначальными гласными заднего ряда этот согласный восходит к общетюркскому глубокозаднеязычному **k*(*q*) и свидетельствует о татарском источнике заимствования, так как в татарском языке последний сохранился без изменения, а в чувашском перешел в *χ*. К этой группе слов относятся следующие тюркизмы в марийском языке: марЛ, марВ *kalaј* 'жесть' (тат. *калай*, чув. *калай*); марЛ, марВ, марГ *kalak* 'ложка, лопатка (для меда, для правки кос)' (тат. *калак* 'чайная ложка', чув. *калак*); марЛ, марВ, марГ *kalrak* 'шапочка, чепчик, шляпка' (тат., чув. *калпак* 'шапка, колпак');

марЛ, марВ *karkan* 'капкан' (тат. *капкан*, *капкын*, чув. *капкан* 'капкан, ловушка');

марВ *kaptärma* 'крючок, застежка' (тат. *каптырма* 'металлическая застежка', чув. *каптӓрма* 'крючок, застежка');

марВ *karlau* 'лопатка для очистки лемеха плуга' (тат. *карлау*, чув. *карлав*); марВ *karmak* 'удочка, крючок рыболовный' (тат., чув. *кармак* 'удочка');

марВ, марЛ (Тр.) *karčäk* 'старуха' (тат. *карчык*, чув. *карчӓк*); марВ *kaβun*, марЛ *kaβun* 'тыква' (тат. *каун*, *кавын*, чув. *кавӓн*); марВ *koβäž*, марЛ *komäž* — название старинного музыкального инструмента (тат. *кубыз*, чув. *купӓс*); марВ *kuјmak* 'оладыи' (тат. *коймак*, чув. *куймак*, диал. *кӓймак*); марВ *kurčaŋce* 'чесотка' (тат. *корчаңгы*, чув. *кӓрчанкӓ*);

марВ *kəzək* 'смешной' (тат. *кызык*, чув. *кăсăк*); марВ *kətəz* 'кумыс' (тат. *кымыз*, чув. *кăмăс*); белеб., менз. *kətək* 'щекотка' (тат. *кытык*, чув. *кăтăк*) и т. д.

В позиции перед первоначальными гласными переднего ряда согласный *k* начала слова в чувашском языке, как и в татарском, восходит к общетюркскому заднеязычному **k* (Räsänen 1920 : 11). В этом случае соотношение тат. *k* — чув. *k* не может служить показателем татарского источника заимствования.

1.7. В марийском языке насчитывается около двухсот татарских заимствований с начальным *ч*, из которых более пятидесяти имеют в чувашском прямое соответствие с идентичным согласным: марВ *čabak* 'плотва' (тат. *чабак*, чув. *чапак*); марВ, бир. *čaγār* 'карий' (тат. *чагыр күзле* 'пестроглазый', чув. *чакăр* 'голубой'); марЛ, марВ *čal*, марГ *cal* 'седой' (тат., чув. *чал*); кунг. *čalak* 'горячий, страстный', марЛ *čolγa* 'бойкий' (тат. *чалак* 'резвый, задорный', чув. *чалак* 'резвый, бойкий'); марВ *čaləš* 'кривой, косо́й' (тат. *чалыш*, чув. *чалăш*); марЛ, марВ *čarša* 'занавес' (тат. *чаршау*, чув. *чаршав*); марЛ, марВ *čotlaš* 'тесать' (тат. *чутлау*, чув. *чутла*); марВ *čorγat* 'воронка (для переливания)' (тат. *чургат* 'медный сосуд для пива', чув. *чурхат*); марЛ, марВ *čolak* 'однорукий, увечный' (тат. *чулак*, чув. *чăлах*); марЛ, марВ *čəlβər* 'цепь' (тат. *чылбыр*, чув. *чĕлпĕр*); марЛ, марВ *čəpta* 'рогожа' (тат., чув. *чыпта*); марЛ *čətaš* 'терпеть' (тат. *чыдау*, чув. *чăт*) и т. д.

Установлено, что соотношение тат. *ч* — чув. *ч* свидетельствует о татарском источнике заимствования, поскольку татарский язык сохранил общетюрк. **č* без изменения, а в чувашском он заменен *ç*, *ш* и лишь в отдельных словах сохранился (Räsänen 1920 : 35, Щербак 1970 : 169).

1.8. Кроме рассмотренных фонетических критериев, можно назвать и некоторые другие, хотя и охватывающие меньшее количество слов или получающие в воспринимающем языке менее последовательное замечание, но в языке-источнике выраженные достаточно отчетливо. Например, М. Р. Федотов к отличительным фонетическим признакам чувашского языка относит такие черты в области консонантизма, как появление протезы *в* на месте *у*, *й*, *о*, *ö* или *л* (лямбдаизм) на месте тюрк. *ш* (Федотов 1965 : 16—22). Л. П. Сергеев добавляет к ним глухой анлаут (Сергеев 1973 : 406—407). В противопоставлении с другими тюркскими языками, в том числе с татарским, эти признаки вполне могут служить критерием отграничения чувашизмов от татаризмов. Вместе с тем следует признать, что ни один из фонетических признаков не может рассматриваться в качестве всеобъемлющего дифференцирующего признака, так как внутри самого языка-источника в силу его диалектной раздробленности нет тождества в фонетическом облике тех или иных слов, вошедших в марийский язык. Кроме того, необходимо иметь в виду, что некоторая часть татаризмов могла попасть в марийский язык, по крайней мере в отдельные диалекты (например, в горно-марийский), через чувашский язык, приняв специфическую чувашскую огласовку (по данным М. Рясенена, татаризмов, вошедших в марийский язык через чувашский, насчитывается более трех десятков), или войти повторно, в новой фонетической форме.

2. В ограниченных размерах татарские заимствования могут распознаваться и противопоставляться заимствованиям из других языков по морфологическим приметам (суффиксам). В диалектах марийского языка встречается по меньшей мере 40 деривационных (29 именных,

11 глагольных) суффиксов, вошедших вместе с татарскими заимствованными основами. Фонетический облик некоторых из них, а также характер производящей основы позволяют утверждать, что образованные с их помощью слова являются татарскими заимствованиями.

Необходимо иметь в виду, что суффиксы составляют лишь дополнительный признак при определении источника заимствований. Сами по себе они не могут свидетельствовать и о факте заимствования, поскольку при массовости усвоения иноязычных лексем однотипного морфологического строения происходит заимствование самих суффиксов. Нами установлено, что из 40 деривационных суффиксов 15 в марийском языке оторвались от татарских заимствованных основ и получили способность производить новые слова от исконно марийских слов.

2.1. Одним из таких признаков существительных является суффикс *-çel/-çol/-çö*, противопоставленный суффиксу *-ze/-zo/-zö*, заимствованному из чувашского языка. Ср. марЛ., балт. *kütüçö* 'пастух' (тат. *кетуче*), калт. *kütüçö* 'пастух' (чув. *кётүçе*); балт. *ulauço*, бел. *älauço* 'возчик' (тат. *олаучы*), марЛ *ulaze* 'возчик' (чув. *älavçä*); марВ *äläkçe* 'ябедник, доносчик' (тат. *äläкче*), марГ *äläksä* 'сплетник, сплетница' (чув. *элекçе*). Многие татарские заимствования с суффиксом *-çe* (*-ço*, *-çö*) не имеют конкурирующих чувашских форм. Например: марЛ *altence* марВ *altänçe* 'коробейник' (тат. *алтынчы* 'золотарь'), менз., елаб. *äränçe* 'гармонист' (тат. *эргәнче*); марЛ *jalçe* 'батрак, наемный работник' (тат. *ялчы*); марВ *iñänçe* 'хлебороб' (тат. *игенче*); белеб. *käzmatçe* 'работник, слуга' (тат. *хезмәтче*); марВ *takmakçe* 'частушечник' (тат. *такмакчы*); балт., белеб. *tartmaçe* 'коробейник' (тат. *тартмачы* 'коробочник'), белеб. *temärçe* 'кузнец' (тат. *тимерче*) и т. д. (Всего 25 примеров.)

2.2. Такими же морфологическими признаками татарских заимствований служат суффиксы существительных *-mak/-mäk*, *-ma/-mä*, *-käç/-gäç*, *-äç/-äs*, *-daš/-däš*, *-u/-ü*, *-däk*, *-kaj* (Исанбаев 1979 : 76—83).

2.3. Среди суффиксов прилагательных дифференцирующей способностью обладают лишь *-saz*, *-kan/-çan*. Необходимо подчеркнуть, что эти морфологические признаки указывают не только на источник, но и на время заимствования, поскольку почти все слова, произведенные с их помощью, встречаются только в поздних заимствованиях восточного наречия. Например: марВ *jönsaz* 'бестолковый' (тат. *юньсез*), ср. марЛ *jönäsär* 'неудобный' (чув. *йүнсәр* 'беспорядочный, бестолковый'); балт. *uñajsaz* 'неудобный' (тат. *уңайсыз*), ср. марЛ *oñajsär* 'неудобный' (чув. **ункайсәр*); марВ *jamsaz* 'безобразный' (тат. *ямьсез*); марВ *jäjsaz* 'неудобный, неуютный' (тат. *жайсыз*); марВ *kutsaz* 'безобразный' (тат. *котсыз*); марВ *küsüz* 'неудобный' (тат. *көйсез*); марВ *sümsüz* 'бессердечный, бесчувственный' (тат. *сөмсез*), ср. марЛ *sümsär* 'упрямый' (чув. *сөмсәр* 'глупый, бестолковый'); марВ *tämsaz* 'невкусный' (тат. *тәмсез*); белеб., прибел. *tärtepsaz* 'непорядочный, невоспитанный' (тат. *тәртүнсез*); марВ *uñatsaz* 'бесстыдный' (тат. *оятсыз*); марВ *tängäsaz* 'неугомонный' (тат. *тынгысыз*); марВ *toläksaz* 'бестолковый' (тат. *тулыксыз*) и т. д. (всего около 50 слов); марВ *aptärçan* 'изумленный, растерянный' (тат. *аптыраган*); бир. *bolçan* 'дельный, толковый' (тат. *булган*); бир., калт. *bolmaçan*, морк. *polman* 'бестолковый' (тат. *булмаган*), калт. *katkan* 'скупой, черствый' (тат. *катыган* 'затвердевший, черствый'); балт. *päžärçan* 'дряблый' (тат. *пәжегән*); балт. *pätmärçan*

'недотепа, букв. невареный' (тат. *пеишмэгән*); марВ *иңган* 'дельный, деловитый, толковый' (тат. *уңган*); марВ *sataşkan* 'помешанный' (тат. *саташкан*).

2.4. У глаголов морфологическими признаками татарских заимствований могут служить суффиксы *-aj*, *-laş/-laś/-las*, *-əγ*. Почти все глаголы с этими суффиксами встречаются только в восточномарийских говорах, например: прибел. *аңәрајаś* 'глупеть' (тат. *аңыраю*); балт. *jönäjäs* 'улучшаться, поправляться' (тат. *юнәю*); балт., белеб. *käjdäyajaś* 'покопаться' (тат. *кыегаю*); марВ *миңајаś* 'печалиться' (тат. *моңаю*); белеб. *pükäräjäs* 'горбиться' (тат. *бөкрәю*); марВ *сарајаś* 'остерегаться' (тат. *сагаю*); марВ *sarajaś* 'пожелтеть' (тат. *саргаю*); балт. *sakärajaś* 'слепнуть, ослепнуть' (тат. *сукыраю*); белеб. *takärajaś* 'сделаться ровным, протоптанным' (тат. *такыраю*); балт. *šabäjäs* 'убыстриться, усиливаться' (тат. *шәбәю*); менз. *ärläšäs* 'перебраниваться, упрекать друг друга' (тат. *әрләшү*); балт., бир. *doslašaś* 'подружиться' (тат. *дуслашу*); балт. *jaklašaś* 'защищаться' (тат. *яклашу*), балт., белеб. *rezalašaś* 'соглашаться' (тат. *ризалашу*); марВ *sajrašaś*, морк. *šajrašaś* 'беседовать дружно; галдеть' (тат. *сайрашу*); балт., бир. *saranlašaś* 'скупиться' (тат. *саранлашу*); марЛ, марВ *satulasaś* 'торговаться' (тат. *сатулашу*); балт. *sijlašaś* 'угощаться (взаимно)' (тат. *сыйлашу*); балт., калт. *sutlašaś* 'судиться' (тат. *судлашу*); прибел. *särलाšaś* 'секретничать' (тат. *серләшү*), бир. *tatulasaś* 'мириться' (тат. *татулашу*); белеб. *tälläsäs* 'пререкаться' (тат. *телләшү*); марВ *esenlašaś* 'здороваться, прощаться' (тат. *исәнләшү*) и др. (более 20 примеров); марВ *asäyaś* 'проголодаться', марЛ *asäyen* 'жадно' (тат. *ачыгу*); марВ *zaräyaś* 'томиться, скучать' (тат. *зарыгу*); марЛ, марВ *jaβäyaś* 'худеть' (тат. *ябыгу*); марВ *könäyäs*, марЛ *kunäyaś* 'привыкать' (тат. *күнегу*); белеб., прибел., малм. *kägäyaś* 'заинтересоваться, вспылать желанием' (тат. *кызыгу*); марВ *totäyaś* 'ржаветь' (тат. *тутыгу*); балт., бир. *tutläyaś* 'заикаться' (тат. *тотлыгу*); марВ *üčäyaś* 'придираться; упрямиться' (тат. *үчегү* 'злиться'); балт. *čänäyaś* 'закаливаться' (тат. *чыныгу*) и др. (Исанбаев 1979а : 117—136).

3. Еще меньше, чем морфологические признаки, об источнике заимствования могут говорить семантические признаки слова, т. е. сходство его значения с татарским оригиналом и расхождение с семантикой генетически родственного чувашского слова. Так, марВ *asäl*, марЛ *asäla* 'очень хороший, прекрасный' (тат. *асыл* 'драгоценный; хороший; красивый') отличается от чув. *асла* не только фонетически, но и по значению, марВ *eple* 'осторожный, обходительный, смирный' семантически ближе к тат., башк. *ипле* 'удобный; обходительный, учтивый; аккуратный (о человеке)', чем к чув. *иплэ* 'удобный, уместный, налаженный'. То же наблюдается у слов *čälβär* 'цепь' (тат. *чылбыр* 'цепь, цепочка', ср. чув. *чёлпёр* 'повод (у узды)'); марВ *šäšä čer* 'чесотка' (тат. *шеш* 'опухоль, нарыв, шишка', ср. чув. *шәши* 'мыт (болезнь лошади)'); марВ *otar* 'загон для скота; (уст.) лагерь для скота в отдалении от селения' (тат. *утар* 'загон; (уст.) хутор, усадьба, имение', ср. чув. *утар* 'хутор, пасека, табун'). С последним связано марЛ *otar* 'пасека'. Ср. еще: марВ *äräm* 'суеверие, предрассудки, поверье' (тат. *ырым* 'заклинание, колдовство', чув. *әрәм* 'наговор, волшебство; сноровка'); марВ, марЛ *kägätäk* 'корь' (тат. *кызамык* 'корь', чув. *кәсамәк* 'короста, парша').

Семантический критерий при отграничении татарских заимст

ний от чувашизмов не может считаться решающим, так как семантика слова — категория более подвижная, изменчивая, чем другие его стороны. Вполне можно допустить, что некоторые тюркизмы в марийской лексике семантически сблизилась с татарскими словами лишь в последнее время, особенно в зонах непосредственного языкового контакта. 4. Большую помощь в определении источника заимствования тюркизмов может оказать знание ареала их распространения в марийском языке. Специальными лингвогеографическими исследованиями установлено, что основная масса татарских заимствований (более 95%) проникла в лексику восточного наречия. В говоры лугового наречия, главным образом в говоры, расположенные в зоне непосредственного контакта с татарским языком (моркинский, сернурский, волжский), вошло более четверти (26,7%) татаризмов. В горном наречии их количество незначительно — всего 6—7%. Более 70% татарских заимствований восприняты только говорами, распространенными на территории Башкирии и Татарии. Правда, не все они совпадают фонетически и семантически с чувашскими лексическими параллелями, но те, которые совпадают, большей частью являются заимствованиями из татарского, а не чувашского источника. Таким образом, географический признак, характер территориального распространения заимствованного слова служит критерием дифференциации его от чувашских или других заимствований.

5. Таковы, на наш взгляд, основные критерии отграничения татаризмов от заимствований из чувашского языка. Они, взятые вместе, служат надежным компасом при определении источника проникновения тюркизмов в марийскую лексику. Вместе с тем следует сказать, что в ряде случаев только хорошо зная историю слова можно решить, имеем ли мы дело с татарским заимствованием или с заимствованием из других языков.

Сокращения

балт. — балтачевский говор, **белеб.** — белебеевский говор, **бир.** — бирский говор, **волж.** — волжский говор лугового наречия, **елаб.** — елабужский говор, **калт.** — калтасинский говор, **кунг.** — кунгурский говор, **малм.** — малмыжский говор, **марЛ (Тр.)** — луговое наречие по «Черемисско-русскому словарю» В. П. Троицкого, Казань 1894, **менз.** — мензелинский говор, **морк.** — моркинский говор лугового наречия, **прибел.** — прибельский говор, **серн.** — сернурский говор лугового наречия, **сунд.** — сундырский говор чувашского языка;
ДСТЯ — Диалектологический словарь татарского языка, Казань 1969.

ЛИТЕРАТУРА

- Афлетунов А. Ш. 1961, Языковые особенности татар западной и юго-западной части БАССР, Казань (Автореферат канд. дисс.)
Ахатов Г. Х. 1964, Диалект западносибирских татар, Москва (Автореферат докт. дисс.)
Ахметьянов Р. Г. 1978, Сравнительное исследование татарского и чувашского языков, Москва.
Егоров В. Г. 1971, Современный чувашский литературный язык, Чебоксары.
Исанбаев Н. И. 1964, О происхождении гласного переднего ряда *ä* в калтасинском говоре марийского языка. — Вопросы финно-угорского языкознания, Москва—Ленинград.
— 1979а, Структурно-словообразовательный анализ татарских заимствованных существительных в марийском языке. — СФУ XV, 76—83.
— 1979б, Структурно-словообразовательный анализ татарских заимствований в диалектах марийского языка (глагол). — Вопросы марийского языка. Вопросы

- истории и диалектологии, Йошкар-Ола, 117—137.
- 1979в, Фонетическая адаптация татарских заимствований в диалектах марийского языка. — Вопросы марийского языка. Вопросы истории и диалектологии, Йошкар-Ола, 41—102.
- Сергеев Л. П. 1973, Еще раз о чувашско-марийских лексических параллелях. — Чувашский язык, литература и фольклор, вып. 2, Чебоксары.
- Тумашева Д. Г. 1977, Диалекты сибирских татар. Опыт сравнительного исследования, Казань.
- Федотов М. Р. 1965, Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми, Чебоксары.
- Щербак А. М. 1970, Сравнительная фонетика тюркских языков, Москва—Ленинград.
- Рорре, N. 1927, Die türkischen Lehnwörter im Tschuwassischen. — UJb, VII, 151—167.
- Räsänen, M. 1920, Die tschuwassischen lehnwörter im tscheremissischen, Helsinki (MSFOu XLVIII).
- 1923, Die tatarischen lehnwörter im tscheremissischen, Helsinki (MSFOu L).

N. I. ISANBAJEV (Joškar-Ola)

ZUM PROBLEM DER ABGRENZUNG DER TATARISCHEN ENTLEHNUNGEN VON DEN TSCHUWASCHISCHEN IN DER MARISCHEN SPRACHE

Tatarische Wörter, die in die marische Sprache gingen, sind in bezug auf ihre Abstammung verschiedenartig, von denen gemeinsam mit den eigentlichen tatarischen Wörtern die alttürkischen und gemeintürkischen lexikalischen Elemente sowie die arabisch-persischen, mongolischen, russischen, tschuwaschischen und finnisch-ugrischen Entlehnungen den beachtlichen Teil bilden. Viele von den tatarischen Entlehnungen sind auch solche Wörter, die gemeinsam sowohl im Tatarischen und Tschuwaschischen als auch im Tatarischen und Marischen oder sogar in allen Sprachen des Wolga- und Kama-Gebietes auftreten. In der ihre Interpretation behandelnden wissenschaftlichen Literatur trifft man auf Meinungsverschiedenheiten und Fehler: Aus dem Tatarischen entlehnte Wörter werden manchmal als tschuwaschische betrachtet, aber die Entlehnungen, die aus dem Tschuwaschischen hervorgegangen sind, werden als tatarische oder russische behandelt. Der Autor des vorliegenden Artikels hebt als Kriterien ihrer Abgrenzung phonetische, morphologische, semantische und geographische Merkmale und deren komplexe Anwendung in bezug auf die Wörter hervor.